

СТИХИ О ДЕТЯХ ВОЙНЫ

У войны не детской лицо!
Но в глаза детей смотрела смерть...
Не щадила маленьких бойцов,
Им пришлось до срока повзрослеть.
Звание такое «сын полка»,
Мужества святого колыбель!
Это ничего, что велика
На него солдатская шинель.
У него в отца бойцовский нрав,
Быть и не могло другой судьбы
У того, кто с гордостью читал
В старом Букваре: «Мы не ра-бы!»
Храбрости ему не занимать,
По плечу мальчонке ратный труд.
Заслонял собой мальчишка мать,
Ту, что люди Родиной зовут!
Для кого-то громкие слова,
Для него – колодец во дворе,
На лугу высокая трава,
Первая страничка в Букваре.
Их большая дружная семья,
Сказка довоенных, светлых лет,
Озорные, школьные друзья
И на Новый год кулёк конфет...
Мамины прекрасные глаза,
Сердцу милый старенький их дом,
В кружевных салфетках образа,
Хлеб ржаной с топлёным молоком.
Девочка с соседнего двора,
За которой он носил портфель.
На параде громкое: «Ура!»
И в шкафу отцовская шинель.
У войны не детское лицо,
Но в бою не разглядеть лица...
Щедро начинала смерть свинцом
Юные, мальчишечьи сердца.

Дети встретили войну в разном возрасте. Кто-то совсем крохой, кто-то подростком, кто-то был на пороге юности. Герой стихотворения **А.Иоффе** говорит:

Его я узнал не из книжки –
Жестокое слово – война!
Прожектором яростной вспышки

К нам в детство врывалась она,
Смертельными стопами стали,
Сиреной тревоги ночной.
В те дни мы в войну не играли –
Мы просто дышали войной.

Война застала ребёнка в больших городах и маленьких деревеньках,
дома и в гостях у бабушки, на переднем крае войны и в глубоком тылу.

Невозможно спокойно читать строки **С.Я. Маршака** об одном из таких мальчишек, внезапно оставшемся без защиты взрослых в стихотворении **«Мальчик из села Поповки»**.

Среди сугробов и воронок
В селе, разрушенном дотла,
Стоит, зажмурившись, ребёнок –
Последний гражданин села.
Испуганный котёнок белый,
Обломок печки и трубы –
И это всё, что уцелело
От прежней жизни и избы.
Стоит белоголовый Петя
И плачет, как старик, без слёз,
Три года прожил он на свете,
А что узнал и перенёс!
При нём избу его спалили,
Угнали маму со двора,
И в наспех вырытой могиле
Лежит убитая сестра.
Не выпускай, боец, винтовки,
Пока не отомстишь врагу
За кровь, пролитую в Поповке,
И за ребёнка на снегу

В этом стихотворении, как и в других, написанных в первые месяцы войны, автор не скрывает, не сглаживает драматизм и накал ужасной сцены, его цель – призвать к справедливой мести врагу. И деревня с таким русским названием Поповка, и имя мальчика Петя, подчёркнуто привычное, знакомое, напоминают, что враг топчет нашу родную землю.

Такой же мотив звучит и в известном стихотворении **Константина Симонова «Майор привёз мальчишку на лафете...»** Его маленький герой, уже успевший потерять мать, возвращается вместе с отцом из Бреста, пережив столько, что «эти десять дней» «на том и этом свете» ему зачтутся за десять лет. Звучит парадоксально, но единственно надёжное место теперь, по мнению отца, для этого «седого мальчишки» - лафет пушки, к которому он привязан.

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

Маленькие герои войны лишены детства. Поэты часто, рисуя их портреты, подчёркивают одну деталь – недетский взгляд, тоскливые глаза детей.

Глаза девчонки семилетней
Как два померкших огонька.
На детском личике заметней
Большая, тяжкая тоска.
Она молчит, о чём ни спросишь,
Пошутишь с ней, - молчит в ответ.
Как будто ей не семь, не восемь,
А много, много горьких лет, - так написала **Агния Барто** в стихотворении «**В дни войны**».

Ленинград. Какая страшная трагедия заключена в этом слове! Фашисты хотели уничтожить город, сломить мужество его защитников. Но город выстоял. Выстоял ценой страданий, стойкости, решительности защитников Ленинграда. На протяжении долгих дней и ночей блокады рядом со взрослыми страдали дети.

Об одном из таких ребят написал поэт **Игорь Ринк** в стихотворении **«Мальчик из блокады»**.

От голода не мог и плакать громко,
Ты этого не помнишь ничего,
Полуживым нашли тебя в обломках
Девчата из дружины ПВО.
И кто-то крикнул: «Девочки, возьмёмте!»
И кто-то поднял бережно с земли.
Вложили в руку чёрствый ломтик,
Закутали и в роту принесли.
Чуть поворчав на выдумку такую,
Их командир, хоть был он очень строг,
Тебя вписал солдатом в строевую,
Как говорят, на котловой паёк.
А девушки, придя со смены прямо,
Садись, окружив твою кровать,
И ты вновь обретённым словом «мама»
Ещё не знал, кого из них назвать.

Известная поэтесса **Ольга Берггольц** создала целый поэтический дневник, посвящённый защитникам Ленинграда – взрослым и детям. Самые проникновенные строки посвящены маленьким жителям города. Рассказывая об их страданиях от голода, ранений, она обращается ко всем людям, проклинает тех, кто несёт ужас и смерть, кто разжигает войны на Земле.

Пусть голосуют дети.

Я в госпитале мальчика видала.
При нём снаряд убил сестру и мать.
Ему ж по локоть руки оторвало.
А мальчику в то время было пять.
Он музыке учился, он старался.
Любил ловить зелёный круглый мяч...
И вот лежал – и застонать боялся.
Он знал уже: в бою постыден плач.
Лежал тихонько на солдатской койке,
Обрубки рук вдоль тела протянув...
О, детская невысказанная стойкость!
Проклятье разжигающим войну!
Проклятье тем, кто там, за океаном,
За бомбовозом строит бомбовоз,
И ждёт невыплаканных детских слёз,

И детям мира вновь готовит раны.
Пусть уличит истерзанное детство
Тех, кто войну готовит, - навсегда,
Чтоб некуда им было больше деться
От нашего грядущего суда.

Дети блокадного Ленинграда жили, мечтая о том, чтобы снова наступил мир, чтобы вернулись беззаботные, счастливые довоенные дни. Об этом стихотворение **Игоря Ринка «Мечты блокадного мальчишки»**.

На окнах – надоевшие кресты...
И сутки не смолкает канонада,
А светлые мальчишечьи мечты
Ведут меня по дедовому саду.
Так хочется дотронуться рукой
До яблочной прозрачно-спелой кожи,
Увидеть вновь улыбки и покой
На лицах торопящихся прохожих!
Так хочется, чтоб мамочка моя,
Как прежде, заразительно смеялась,
Израненная взрывами земля
В цветочных росах снова искупалась!
Бумажным лёгким змеем с ветерком
Умчаться ввысь распаханного неба.
И съесть – взахлёб! До крошки! Целиком!
Буханку вкусно пахнущего хлеба!

Те дети, кто не погиб на войне, от бомбёжек или голода, погибали в лагерях. Дахау, Освенцим, Саласпилс. Последний – самый страшный из них, потому что в нём был детский лагерь смерти. Дети становились подопытным материалом, из них выкачивали кровь. Не щадили никого. Несмотря на зимнюю стужу, привезённых детей голыми и босыми полкилометра гнали в барак, носивший наименование бани, где заставляли их мыться холодной водой. Затем таким же порядком детей, старший из которых не достигал ещё 12-летнего возраста, гнали в другой барак, в котором голыми держали их на холоде по пять-шесть суток.

Сергей Михалков писал именно об этих мучениках в стихотворении **«Детский ботинок»**.

Занесённый в графу
С аккуратностью чисто немецкой,
Он на складе лежал
Среди обуви взрослой и детской.
Его номер по книге:
«Три тысячи двести девятый».
«Обувь детская. Ношена.
Правый ботинок. С заплатой...»

Кто чинил его? Где?
В Мелитополе? В Кракове? В Вене?
Кто носил его? Владек?
Или русская девочка Женя?
Как попал он сюда, в этот склад,
В этот список проклятый,
Под порядковый номер
«Три тысячи двести девятый»?
Неужели другой не нашлось
В целом мире дороги,
Кроме той, по которой
Прошли эти детские ноги
В это страшное место,
Где вешали, жгли и пытали,
А потом хладнокровно
Одежду убитых считали?
Здесь на всех языках
О спасенье пытались молиться:
Чехи, греки, евреи,
Французы, австрийцы, бельгийцы.
Здесь впитала земля
Запах тлена и пролитой крови
Сотен тысяч людей
Разных наций и разных сословий...
Час расплаты пришёл!
Палачей и убийц – на колени!
Суд народов идёт
По кровавым следам преступлений.
Среди сотен улик –
Этот детский ботинок с заплатой.
Снятый Гитлером с жертвы
Три тысячи двести девятой.
Обычная вещь – детский ботинок с заплатой – становится символом ужасов войны, кричит о том, что дети и война – понятия несовместимые.

Ещё одно стихотворение «Дети в Освенциме» написано известным в XX веке поэтом **Наумом Коржавиным**.

Мужчины мучили детей.
Умно. Намеренно. Умело.
Творили будничное дело,
Трудились – мучили детей.
И это каждый день опять:
Кляня, ругаясь без причины...
А детям было не понять,
Чего хотят от них мужчины.

За что – обидные слова,
Побои, голод, псов рычанье?
И дети думали сперва,
Что это за непослушанье.
Они представить не могли
Того, что было всем открыто:
По древней логике земли,
От взрослых дети ждут защиты.
А дни всё шли, как смерть страшны,
И дети стали образцовы.
Но их всё били.
Так же. Снова.
И не снимали с них вины.
Они хватались за людей.
Они молили. И любили.
Но у мужчин «идеи» были,
Мужчины мучили детей.
Я жив. Дышу. Люблю людей.
Но жизнь бывает мне постыла,
Как только вспомню: это – было!
Мужчины мучили детей!
Трагическое противопоставление: сильные мужчины-«защитники» и хрупкие дети! Те, кто самой природой предназначен охранять уязвимые детские жизни, предстают в стихотворении убийцами и мучителями.

В памятке фашистского солдата были такие слова: «...Нет нервов, сердца, жалости – ты сделан из немецкого железа. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик».

И они не щадили, не щадили даже детей. Отрывали от родителей, угоняли в Германию, в концлагеря, подвергали пыткам, безжалостно расстреливали.

Татарский поэт **Муса Джалиль** назвал этих беспощадных убийц «варварами» и «дикарями», а их «деяния» – «варварством».

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.
У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят...

Рассказывая о расстреле безвинных жертв, поэт восклицает:
Земля моя, скажи мне, что с тобой?
Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ль ты хотя бы раз
Такой позор и варварство такое?

Немногие дети, узники лагерей, выжили и были возвращены на Родину. Возвращение это было трудным. Один из таких эпизодов описан в стихотворении **Леонида Серого «Венский вокзал в сорок пятом»**.

Я помню «Западный» вокзал. Так, не вокзал – одно название.

Сраженья гул ушёл на запад и постепенно вовсе смолк.

На рельсах сидя отдыхал прошедший укомплектованье,

А проще – заново рождённый, наш боевой стрелковый полк.

И на платформу вполз состав, идущий на восток куда-то,

Шёл медленно и осторожно, как бы стараясь не греметь.

В вагонах, в тех, что возят скот, стояли дети в полосатом

Так ужасающе худые, что жутко было посмотреть.

Состав вздохнул и тихо встал, поскрипывая тормозами.

В другое время я бы думал, что это зрелище изъян –

Скелетики в товарняках с пустыми тёмными глазами.

Одни глаза. Сейчас такими рисуют инопланетян.

Впечатление, которое произвело появление этого состава с «детьми в полосатом», поэт обозначил ёмким словом – «шок». Все, кто стоял на платформе: солдаты, «две местных тётки с узелками» – вдруг будто очнувшись, бросились к вагонам, «протягивая этим детям всё, что имели за душой».

Тушёнка, сахар, сухари, всё из потаек извлекалось,

Трофейный шоколад, галеты, компот, трофейная халва,

И мужики, в бою – зверьё, всё повидавшие, пытались,

Сквозь неудержанные слёзы, найти поласковой слова.

Сопровождавшие детей медсёстры-девушки примчали,

Они металась вдоль состава, весь полк пытаюсь вразумить,

Отталкивая нас назад, они рыдали и кричали –

Солдатики, остановитесь! Нельзя! Нельзя детей кормить!

Пришедшие на тот перрон две местных тётки с узелками

Упали разом на колени там, где стояли, в пыль и грязь,

И, наклонившись до земли, и, заслонив лицо руками,

Раскачиваясь, жутко выли, то ли казнясь, то ли молясь.

Гнетущий хор людской беды звучал нелепо и нестройно,

Народ не мог остановиться в порыве чувства своего.

И только дети в полутьме стояли тихо и спокойно

И их глаза на бледных лицах не выражали ничего.

До нас дошло – кормить нельзя! Мы всё сложили аккуратно

На полках первого вагона, где был устроен лазарет.

В последний раз я в те глаза взглянул, и стало мне понятно...

В тот миг отчётливо и ясно я осознал – что бога нет!!

Война не ждёт, мы шли вперёд, наш мир нуждается в защите.

Недалеко в моей колонне шёл пожилой седой солдат

И всё шептал: – Простите, деточки... Ох, деточки, простите...

Как будто он и правда в чём-то был перед ними виноват.

Мотив вины перед погибшими участниками войны, перед выжившими детьми и взрослыми стал звучать в стихотворениях последних лет войны и — особенно — в послевоенной лирике.

Не раз о своём чувстве вины говорил поэт **Александр Твардовский**.

«Две строчки».

Из записной потёртой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.
Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далёко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А всё ещё бегом бежал,
Да лёд за полу придержал...
Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу, —
Мне жалко той судьбы далёкой,
Как будто мёртвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примёрзший, маленький, убитый
На той войне незначительной,
Забывший, маленький, лежу.

Ещё более откровенно об испытываемом им чувстве вины Твардовский написал позже, после войны.

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Молодой поэт **Алексей Молчанов** размышляет о том, что волнует всех неравнодушных людей: о необходимости помнить об ужасах войны, чтобы это никогда не повторилось. Его герои — дети блокадного Ленинграда, дети войны, все «**13 миллионов детей, погибших во Второй мировой войне**».

Их памяти посвящено следующее стихотворение

Сгорело в адском пламени.
Тринадцать миллионов детских жизней
войны.
Их смех фонтанов радости не брызнет
На мирное цветение весны.
Мечты их не взлетят волшебной стаей
Над взрослыми серьезными людьми,

И в чём-то человечество отстанет,
И в чём-то обеднеет целый мир.
Тех, кто горшки из глины обжигают,
Хлеба растят и строят города,
Кто землю по-хозяйски обживают
Для жизни, счастья, мира и труда.
Без них Европа сразу постарела,
На много поколений недород,
И грусть с надеждой, как в лесу горелом:
Когда ж подлесок новый станет в рост?
Им скорбный монумент воздвигнут в Польше,
А в Ленинграде – каменный Цветок,
Чтоб в памяти людей остался дольше
Прошедших войн трагический итог.
Тринадцать миллионов детских жизней —
Кровавый след коричневой чумы.
Их мертвые глазёнки с укоризной
Глядят нам в душу из могильной тьмы,
Из пепла Бухенвальда и Хатыни,
Из бликов пискаревского огня:
«Неужто память жгучая остынет?
Неужто люди мир не сохранят?»
Их губы запеклись в последнем крике,
В предсмертном зове милых мам своих...
О, матери стран малых и великих!
Услышьте их и помните о них!

Призыв «хранить память», прозвучавший в поэме **А. Твардовского** «Дом у дороги», пронизывает все произведения о войне.

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.
Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки.
Пускай во всём, чем жизнь полна,
Во всём, что сердцу мило,
Нам будет памятка дана
О том, что в мире было.
Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколенья.
Затем, чтоб нам счастливой быть,
А счастье – не в забвеньи!

К детям 21 века обращается в стихотворении **Надежда Горланова «Детям 21 века».**

Это праздник мой и твой,
Это праздник детский,
На планете на большой
Радуются дети.
Пусть на Севере – снега,
А на Юге – жарко!
Пусть подружат навсегда
Негр, якут, болгарка.
Чтобы жили без войны
Дети Украины,
Бомбы рваться не должны,
Не взрывались мины.
Пусть во всех краях земли
Будет всем уютно
Люди мирно жить должны
Для детей и внуков.
Чтоб трудился человек,
Дети все учились,
Чтобы двадцать первый век
Стал для всех счастливей.
Чтоб не знала детвора
Никаких болезней,
Чтобы воздух и вода
Были всем полезней.
Чтоб кругом цвели сады,
Зеленело поле,
Чтоб смотрело с высоты
Небо голубое.
Чтобы солнце над землей
Никогда не гасло!
Чтобы было нам с тобой
На земле прекрасно!

«О детях войны»:

Детям, пережившим ту войну,
Поклониться нужно до земли!
В поле, в оккупации, в плену
Продержались, выжили, смогли!
Дочери страны! Её сыны!
Чистые пред Родиной и Богом!
На земле осталось вас немного.
Девочки и мальчики войны!
Мира вам, здоровья, долголетия,

Доброты, душевного тепла!
И пускай нигде на целом свете
Детство вновь не отберёт война!

Источники:

<http://www.stihi.ru/>

<http://stranakids.ru/deti-voiny/>

<http://literature.do.am/publ/>

<http://www.chitalnya.ru/>

<http://санктпетербургъ.рф/23-о-блокаде.html>

http://ruslib.org/books/mihalkov_sergey/stihi-read.html

<http://lit.peoples.ru/poetry/>

<http://www.kostyor.ru/poetry/>